

В конюшне, сколоченной из толстых плах, стоял Игренька. Некрупный темно-рыжий конек с молочно-дымчатыми хвостом и гривой, с крепкими, покрытыми сеткой вен ногами. Тяжелая голова, казалось, досталась ему по ошибке от другого коня. В деннике Игренька либо дремал, широко расставив ноги, опустив голову и прикрыв глаза. Либо, уткнувшись в деревянную кормушку, шарил по ней мягкими губами, с легким шлепаньем захватывая остатки овса. Терпеливо ждал. Привык, что часто, после жалобного скрипа воротных петель, в конюшню входила его маленькая хозяйка.

Была она шестилетней девочкой. Родные и знакомые называли ее просто Нюркой. Невысокая, худенькая. Как у олененка, тоненькие с уширением в коленках ножки. Темные волосы пострижены матерью вкруг. Прямая челка над серыми по-зырянски чуть узкими глазами. Остренький подбородок.

Жила Нюрка со своими родителями, сестренками и братишками в большом сибирском поселке Гурьевском, что разросся к началу двадцатого столетия при металлургическом заводе. Отец ее

слесарил на дому, занимаясь починкой всевозможной утвари, которую несли к нему жители Гурьевского, а случалось, и окрестных сел и поселков. Рослая мать управлялась с хозяйством. Успевала накормить скотину, навести порядок в доме и огороде, дать шлепка спящей под ногами детворе. Нюрка, старшая из детей, первая помощница матери, не по годам серьезно относилась к ее наказам. А уж присмотр за младшими братишками и сестренками, пока мать занята другими делами, полностью ложился на нее. Но, все же, если выдавалась свободная минута, она спешила, выпросив кусок хлеба и густо посолив его, убежать на задний двор, в конюшню, к своему любимцу.

Нюрка выделяла Игреньку изо всей дворовой живности. Ей казалось, что он знает много интересного, и, если они станут совсем-совсем друзьями, то он ей все расскажет. Но Игренька молчал. Он только поворачивал голову, когда входила Нюрка. Двумя-тремя переступами выбивал глухой звук из дощатого настила, запыленного сухим навозом. Вытягивал шею. Мягко касался бархатными подвижными губами протянутых Нюркиных ладошек. Хлеб исчезал, и довольной девочке казалось, что конь качал головой в знак благодарности. В конюшне таился полумрак. Нюрка нарочно притворяла за собой половинки ворот. Тогда не только яркий солнечный свет, но и привычный шум жилого двора приглушались и, если и проникали в конюшню, то как бы крадучись, на цыпочках, не мешая девочке.

Как обычно, угостив Игреньку, Нюрка забралась на загородку, отделявшую беспокойно-суетливых овец, устроилась удобнее, прикрыв сбитые коленки подолом простенького ситцевого платишка, и начала разговор. Игренька молча со всем соглашался. Голова его, с развесившимися ушами, опускалась до коленей девочки. Говоря, Нюрка время от времени проводила ладошкой по морде лошади.

— Папка вчера белого вина напился. Шумел. Пугал, что вот продаст инструмент, и все мы тогда посмотрим, как без его заработков проживем. Эх, лепетя. Утром просил мамку достать рассол из погреба. Горе с этими мужиками. Трым-Тарарым заглядывал, говорил, что через воскресенье бега будут. Я потом слышала, мамка сказывала отцу, что уговорила татарина в седоки. Того, что по осени у нас Борьку колол. Я его не люблю — он страшный.

Завтра тебя папка со двора сведет. Отдаст чередовать. Ты, Игренья, снова у всех выбегаешь, да?

Перед скачками лошадей чередовали — готовили к бегам. За неделю-полторы до бегов хозяин освобождал коня от работы и увозил его к чередильщику. Были такие и в Гурьевском. Коня хорошо и вовремя кормили, поили и, непонятно, каким образом, добивались, чтобы он много спал. Может, слово какое знали, а может, травы — точно никто сказать не мог. Однако после чередования хозяевам возвращали лошадей лоснящихся, откормленных.

Бега — событие в жизни Гурьевского и окрестных поселений. За поселком собирался народ: мужики, бабы, неудержимая ребятня. Приезжали из Бачат, Салаира. Приводили своих лошадей. Хозяева тех, что участвовали в бегах, стояли обособленно. Хозяин сам на лошади не скакал — нанимал седока. В толпе «мазали» на лошадей, как тогда говорили. Заключали сделки, ставили заклады. Спорили между собой и иносельянами. Ставки были копеечные, но азарт велик.

В назначенное для бегов воскресенье народ при высоком уже солнце потянулся на окраину поселка. Там, зажатая с одной стороны согрой, с другой — пологой горой, вилась дорога к соседнему селу Старобачатскому, что раскинулось верстах в пятнадцати на восход от Гурьевского. В согру поселковые бабы и ребятнишки ходили за ягодами, отыскивая по сырым местам урожайные заросли смородины и боярышника. Тут же, где топкая низина почти вплотную подходила к дороге, устраивалась мета. От нее бега и начинались.

Толпа поселян пухла на отлогом склоне. С возвышения было видно версты две дороги, нырявшей после поворота за небольшой смешанный лесок.

То тут, то там мелькала заношенная, потерявшая цвет и форму кепка Трым-Тарарыма — мужичка без возраста, но подвижного и шумного. Ровесница хозяину, кепка прилепилась к потной лысине, замусоленным краем прижимая над оттопыренными ушами бусые сосульки волос. Тощая шея, острый кадык, клюющий горло

при торопливых словах. Хитрые глаза поселкового всезнайки прятались под мятым козырьком. Нюрке всегда казалось, что голова Трым-Тарарыма — точь-в-точь нарождающиеся кочаны капусты в их огороде. Такой же шарик на тоненькой ножке, лопушки отогнутых листьев. Голова-капуста заговаривала с мужиками, тараторила, тут же срывалась с места и перекатывалась к новой группе.

— Буланки Уруджевой Соньки не будет. Давеча видел ее. «Третьего дня, — говорит, — у копыта нарыв вскочил». Жалко, трым-тарарым, ладный конек.

Народ у меты прибывал. Ждали сбора всех лошадей и наездников.

Лучшим в Гурьевском наездником считался Яшка-татарин. Маленький, сухой, со смуглой кожей на морщинистом лице, кривыми ногами и цепкими сильными пальцами, он был похож на пауков, которых Нюрка ловила в пыли, за печью. Осенью он ходил по дворам и колол скотину. Не стеснялся торговаться с хозяйками из-за лучшего куска за работу. Был он и неизменным участником бегов. За неделю до них ходил пьяный, орал песни на русско-татарском языке. Спиртное подносили Яшке хозяева лошадей. Сулили крепкий заработок. Старались уговорить скакать на их лошади. Яшка пил, кивал головой, много говорил о лошадях, но ничего толком о своем согласии или несогласии. В конце концов, лопоча что-то по-своему, он лез обниматься, пытаясь поцеловать собеседника. На том дело и кончалось. Хозяин лошади уходил, сомневаясь в результате сделки, кляня Яшку и жалея потраченный впустую самогон. Яшка же за день до скачек исчезал вовсе. И появлялся за поселком, у меты, при собравшемся народе. Его сразу узнавали по ярко-синей атласной рубахе — неизменной спутнице на бегах. Мужики, поившие его, зло сплевывали и шевелили губами, беззвучно матеря «чертового неруса». Не изменил своей привычке Яшка и на этот раз.

— Идет! Яшка идет! — визгливо выкрикнула шустрая бабенка, одинаково быстро вертя головой и лузгая семечки.

С взгорка к дороге спускался Яшка-татарин. Шел он, чуть ссутулившись, держа левую руку в кармане брюк, а правой похлопывал плетью по голенищу сапога. На толпу не глядел. Взгляд — под ноги, как будто выпрыгивающие из-под сапог кузнечики были важнее окружающей толпы и предстоящих бегов.

— Яшка! Трым-тарарым! Не заболел?! Али не похмелился? — зубоскалил Трым-Тарарым. — Какого конька лупцевать будешь?

Яшка поднял голову, рыскнул по толпе, на мгновение задержался на спросившем и прошел дальше. Недалеко от лошадей он присел на траву. Неспешным движением сорвал стебелек. Замер отрешенно, покусывая былинку.

Проснулась Нюрка рано. Братья еще спали, уткнувшись кончиками носов друг в друга. Маленькая сестренка посапывала в зыбке. Матери в доме не было.

Во дворе звякнуло ведро.

«Со скотиной управляется», — подумала Нюрка. Она встала, прошлепала босыми ногами к сеням. Выйдя на крыльцо, увидела мать. Та шла от сарая. В руке, повизгивая железной дужкой, покачивалось пустое ведро. Выпущенные из курятника наседки деловито разгребали парившую теплом землю. Журка взбил пыль хвостом, притопывая передними лапами. Утренняя прохлада заставила Нюрку поежиться, обхватить себя руками и быстро-быстро потереть ладошками вмиг покрывшиеся пупырышками плечи. Залаял Журка. За забором показался отец, ведущий в поводу Игреньку.

— Нюрка! — заметила девочку мать. — Отвори отцу ворота.

Нюрка затрусилась через двор. Журка, пытаясь лизнуть маленькую хозяйку, крутнулся на цепи. Не достав, обиженно твякнул. Отполированная руками закладная жердь с трудом поддалась девочке и, выскочив из скобы, глухо стукнулась о землю. Отец ввел Игреньку, привязал к стоящей во дворе телеге, ласково похлопал по шее. Встретился с матерью Нюрки взглядом.

— Добро отдохнул конек, Татьяна. Ему сейчас не бега бегать, а землю пахать.

— Успеется, — возразила жена, — не сидит без работы, сердешный. Пусть и у него праздник будет.

Конь посвежел. Голову держал необычно высоко, чутко улавливая настороженными ушами звуки пробудившегося поселения. Влажные ноздри, раздуваясь, ловили невидимые запахи, плыву-

щие в воздухе. Шерсть лоснилась, отражая утренние лучи солнца. Расчесанные хвост и грива белым льном струились к земле.

Нюрка, улыбаясь, подошла к лошади, погладила теплый живот. — Нюрка! Тонька орет! Ты что? Оглохла!? — громко, но не сердито окликнула дочку мать.

Начинался день.

Неожиданно для Нюрки праздник случился не только для Игреньки, но и для нее. Сегодня она первый раз пойдет на бега. Уснув, девочка не слышала, как мать с отцом разговаривали вполголоса, решая взять ее с собой. За ребяточной приглядит Васильевна, соседская бабка. Когда утром Нюрка все узнала, — радости ее не было предела. Она суетилась, хваталась за всякую работу, боясь, как бы мать не рассердилась и не передумала. Родители понимающе переглядывались, прятали от дочери улыбки. Наконец, невыносимо долгие, как показалось Нюрке, сборы кончились. Мать, одетая, как на праздник, объясняла Васильевне, что где взять для малышей.

— Иди, иди, милая. Не первые твои, не последние. Как-нибудь управлюсь, — выпроваживала соседку шустрая еще бабка.

По улицам поселка шли пешком. Нюрке очень хотелось забраться на широкую спину Игреньки, чтобы все видели, что и она едет на бега. Отец не разрешил, и Нюрка пританцовывала рядом с матерью.

Отлогий склон горы уже пестрел платками и блузами вырядившихся баб. Вспыхивали на солнце козырьки новых картузов.

Мать Нюрки, обычно выступавшая на бегах в роли хозяйки, умевшей рядиться и ставить заклады, подошла к группе хозяев, чьи лошади должны бежать. До начала бегов оставалось совсем немного.

Высокий солидный мужчина, с военно-молодцеватым разворотом могучих плеч, со строгим взглядом из-под разлета густых темных бровей, о чем-то говорил с хозяевами лошадей. Голову при этом лишь немного поворачивал в сторону очередного собеседника, подбородок не опускал. Говорил, как бы поверх голов, но с полной уверенностью, что каждое произнесенное им слово ловится на лету. Это — Платон Михеевич. Нюрка видела его несколько раз, когда он заходил к отцу, принося в починку диковинные вещи. Платон Михеевич — постоянный распорядитель на бегах. Вот, наконец, он зычно крикнул, требуя от толпы отойти дальше.

Народ оживился, неровно отхлынул в гору. Наступал самый интересный момент — лошади передавались седокам. По правилам бегах седоки скакали без седел. На лошадях были только уздечки.

Вдруг внимание всех привлекла небольшая группа людей, почти бегом приближавшихся к мете. Возгласы удивления и восхищения прокатились по толпе. Два бачатских мужика вели в поводу жеребца. За ними спешили несколько бачатских и гурьевских парней.

Таких коней здесь раньше не видели. Обычно в бегах участвовали простые деревенские кони, больше привыкшие тянуть плуг, чем скакать наметом под седоком. Летом и зимой они таскали тяжелые возы и сани. Приведенный конь был не такой. Подбористый, со стройными тонкими ногами, он и масти-то был необычной — серый, с разбросанными по телу темными пятнами. Среди гнедых, рыжих, чалых лошадей он был настоящим красавцем. Отрывисто, нервно конек перебирал ногами. Всхрапывая, вскидывал голову, кося глазами на державших его мужиков.

— Огонь! Ай да красавец! Не чета нашим толстоногим, — зашелестело среди зрителей.

— Ничё, ничё, — зачистил в толпе Трым-Тарарым, — гладка девка да ленива. Мы еще поглядим, чего он может. Столько верст бежать — не на месте прыгать. Серебренниковский Игренька себя никому не давал обойти. Не торопись, мужики.

Но в толпе стало беспокойно. Обычно гурьевские «мазали» на Игреньку. Знали, что неказистый с виду конек на деле оказывался сноровистым и упрямым. Вторым придти он не мог. Хотя на полголовы, но вырывался вперед. Но и бегал он с такими же рабочими конями, каким был сам. Теперь дело менялось. Слишком уж явным было преимущество незнакомца. Большинство стало «мазать» на серого. Лишь некоторые, то ли стараясь поддержать честь своего села, то ли не веря в тонконового, упрямо ставили на своих лошадей.

— Лошадей к мете! — вновь проревел Платон Михеич.

Хозяева передали поводья седокам — молодым парням. Выбирали тех, кто легче, чтобы лошадь не уставала под тяжелым наездником.

Яшка-татарин подошел к Нюркиному отцу, ухватил узду.

— Не гони сразу, Яшка, плетью сильно не балуй. От дальней меты повод отпусти — конь сам пойдет, — услышала девочка короткое наставление подошедшей матери.

— Знаю, — буркнул Яшка, не глядя на Татьяну и дернув за узду, повел вытянувшего шею коня за собой.

У меты — широкой полосы, вскопанной на дороге, тесно сгрудились одиннадцать лошадей. Игренька оказался во втором ряду, сразу за серым в яблоках жеребцом. Кони всхрапывали, прижимали уши. Седоки натягивали поводья, заставляя коней выше поднимать головы, приседать на задние ноги.

Платон Михеевич встал у края дороги, высоко подняв руку с зажатым в ней картузом.

Советы и шутки смолкли. Напряженная тишина повисла над толпой.

Нюрка, раскрыв рот, смотрела то на Игреньку, то на Платона Михеевича. Все ждали.

— П-а-а-ше-о-о-ол!!! — резко опустил руку Платон Михеевич.

Толпа взорвалась. Крик, свист, улюлюканье неслись вслед сорвавшимся с места лошадям. По склону горы бежали, размахивая руками и крича, пацаны.

Дробный стук копыт по сухой земле покотился от меты. За облаком пыли, поднятой лошадьми, невозможно было увидеть, что творится на дороге.

Ни Нюрка, ни Игренька не знали и не могли знать, что неспроста всегда нагловатый Яшка-татарин не глядел в глаза Нюркиной матери.

Незадолго до бегов постучали к нему в дом бачатские мужики. Пришли поздно. Яшка уже собирался спать. Трое высоких гостей, наклонив головы и согнув плечи в низком проеме двери, один за другим прошли в комнату. Положенных крестов не клали — икон у Яшки не было. Лишь вошедший последним незаметно перекрестил живот — все-таки нехристя дом.

Гости были неожиданные. Обычно приходили свои — гурьевские, в надежде заполучить хорошего седока. Яшка насторожился. Мужики сели на лавку к столу, минуту молчали.

— Слышь, Яков, доброго конька мы достали, — начал вдруг лобастый, самый старший по возрасту, сидящий напротив Яшки, — у крепкого хозяина он. Хорошие деньги за него уплачены, — говорил, протягивая размытые окончания слов сквозь стиснутые зубы, как бы стремясь придать им тем самым большую значимость. А сплющиванием губ словно ставил точки в конце коротких фраз. От больших совиных глаз разбегались по рябому лицу складки и прятались в рыжей короткой бороде.

Яшка не ответил, ждал. Скакать на чужих лошадях было не принято. Зачем же пришли?

Самый высокий, вошедший вторым и севший по левую руку от говорящего, имел такую же, как у рыжего, плешину по верху головы, но смуглую кожу и миндалевидные глаза. Воспользовавшись паузой, он зашевелился, откинул полу пиджака и, вытянув для удобства ногу, достал из кармана штанов бутылку мутноватой жидкости. Поставил на стол.

— А что, Яков, найдется, чем закусить этого дракона? — обратился к татарину начавший разговор мужик.

Покопавшись в припасах, Яшка положил на стол краюху зачерствевшего хлеба, несколько головок лука, поставил стаканы. Выпили, хрустнули луком. Зашмыгали носами над зажатými в пальцах кусками хлеба, торопясь избавиться от крепкого сивушного духа.

— Не в обиду тебе будь сказано, Яков, а житуха твоя не завидная. Щи-то горячие, видать, не каждый день хлебаешь, да и фронт из тебя никудышный, в одних портках и зимой и летом. Только и богатства, что рубаха атласная. Так ведь ей не два века жить. А пошевелил бы умишком, послушал поживших людей, может, и докумекал бы, как ее, жизнь, за хвост ухватить, — поучал хозяина гость.

Яшка сидел, сдвинув колени и упершись в лавку ладонями. Смотрел на пустой, захватанный руками стакан. На крутых скулах вспухали желваки. Лобастый говорил правду — не веселое было житье у Яшки. Но какое бы ни было, а тыкать ему этим в глаза он не позволит никому.

— Не возьму в толк, мужики, — заговорил он тихо, — вам что за забота о моем житье-бытье? За этим только и пришли на ночь глядя? Как живу — моя воля. В ваш карман не лезу.

— Э-э, Яшка. Завелся. Не обижайся. Верно понимаешь — не жалеть тебя пришли. В наше время о своем животе думать надобно. Однако помочь тебе можем, не без выгоды для себя, конечно. Но от нашей выгоды тебе одна польза. Нынче свое схватить не успел — того и гляди, что другой схватит, да еще постарается тебе же пальцы-то и оттяпать, — перебил Яшку все тот же рыжий.

От присутствия четверых мужчин в избе стало душно. Ставни были прикрыты. Лица сидевших вспотели, от выпитого самогона раскраснелись. Свет от закопченной со сколом на стекле керосиновой лампы был тусклый. Метавшаяся вокруг огня мошकारа отбрасывала на стены и на лица прыгающие пятна теней. Лампа чадила и крепко пахла керосином.

На столе появилась еще одна бутылка. Третий, самый молодой из пришедших, не по возрасту рыхлый, с дряблым животиком, не проронил ни слова. Он приподнялся, одновременно растопыренной пятерней закинул со лба назад стриженные под горшок соломенные волосы. Наклонившись над столом, дотянулся до бутылки, разлил самогон. Длинный чуб вновь ссыпался на лоб, почти закрыв глаза. Так же молча мужик сел. Вновь провел пятерней ото лба к затылку. Замер, уставившись на неровный стык стены и потолка. Выпили. Гости, скрутив самокрутки, задымили.

— Вот я и говорю, Яков, — продолжал, как понял Яшка, глава незваных гостей, — только от самого себя и зависит, как она, жизнь, повернется. Будешь посмекалистее да поразворотливее — будешь жить, а нет — ходи всю жизнь по чужим дворам.

— Это верно, — вставил размякшим языком смуглый верзила.

— Я не зря про конька говорил, — продолжил главный, — придет он на бегах первый — тебе, если послушаешь нас, неплохие деньги перепадут.

— А я что? — уже свободно, по-хозяйски развалившись на лавке, спросил Яшка. — Я на ваших конях не седок. На Игреньке серебрянниковском поскачу. Сговорился с Татьяной. Обещала, что Санька ее нож изладит — скотину колоть. Хорошие он ножи делает. А Татьяна зря обещать не станет. Опять же деньги за бега заплатит.

— Эка невидаль — железяку ему пообещали да пару рублей. Раз выпил, и нет денежек. Бабе что, она говорит — по воде бредет. Сама-то, выбегай ее лешак, крепкие деньги возьмет. Знает цену сво-

ему коню и «мажет» не под стать другим. Хочешь «мажь», не хочешь — отказывайся. И «мажут». Мужик он до счастья жадный. Оно еще за горой, а он уже карман подставляет. А в этот раз большие бега будут, большие заклады.

По напряженному голосу, по леденистому взгляду говорившего Яшка понял — вот-вот старший выложит главное. Но по природной мужицкой хитрости не торопил, ждал. Чувствовал, рыжебородый еще в сомнении — пора ли сказать то, зачем пришли.

В избе повисла тишина. Лишь слышно было, как шлепали губами мужики, после долгих затяжек выпускающая густые клубы табачного дыма.

Прервал молчание опять средний.

— Вот я и говорю, счастье, его поймать надо, а хвост у него склизкий... Предложение к тебе есть, Яков, — мужик поднял выпуклые глаза и посмотрел на Яшку. Глаза были трезвые и цепкие. — Придержаться надо ушастого. Дело плевое, а барыш велик, — взгляд лез в Яшку, и казалось, звук слов исходил не из волосатого рта, а именно из этих, обрамленных красными веками глаз.

— А ребра ломать вам будут или мне свои подставлять придется? За такие дела не жалуют, — не отводя взгляда, выдохнул Яшка-татарин.

— Ребра, Яша, дуракам ломают. А если с умом подойти, то комар носа не подточит. Наш конек ни чета вашим. Никто не удивится, что обошел толстобрюхих. Мы и сами уверены, что он первым придет, однако на авось только бабки на печи надеются. Ты послушай, — и мужик, навалившись на стол так, что заросшее его лицо вплотную приблизилось к скуластому Яшкиному, заговорил быстро, почему-то понизив голос, — Татьяна конь пойдет в куче, как привык в табуне. А вот перед метой этот черт начнет надавать, бесовое отродье. Наш тоже коня палить не будет. Пустит версты за две до меты. Вот тут тебе и надо будет попридержаться своего. Вперед не вырывайся — заметят. Держи в пыли, в куче, — мужик говорил, а сам с хрустом сжимал кулаки, поднесенные к губам, — сдерживал воображаемого коня, как будто уже мчался среди хрипящих, мокрых от пены лошадей. Было ясно, что все обдуманно, и в голосе мужика не было просьбы, а какая-то дикая уверенность, что все будет именно так.

Яшка поймал себя на мысли, что думает о том, как лучше сделать то, о чем говорили.

— А если откажусь и люди узнают? — как будто ударив, выпалил Яшка.

Под смуглым мужиком скрипнула лавка. Вожак не спеша выпрямил спину, сел, опустив костистые кулаки на изрезанную столешницу.

— Тогда плохо, Яша. Очень плохо, — сказал тихо, как-то спокойно и устало, но у Яшки после этих слов пересохло во рту.

Без паузы лобастый достал из кармана и аккуратно положил на стол небольшую пачку мятых, выдавших вида бумажек.

— Это пока, Яша. Сделаешь — втрое больше получишь.

Нюрка, сидя на руках отца, поднявшего дочь для лучшего обзора, подалась вперед, как будто стремилась оказаться там, где скакал в небольшом табуне ее любимый Игренька. Как будто хотела помочь ему, подтолкнуть вперед своими худенькими детскими руками. Она даже не замечала, что ее губы шевелятся в беззвучной мольбе-призыве: «Давай, Игренька. Давай. Игренька, давай...»

Поселяне знали, что так лихо, с места в галоп наездники только вначале скачки посылали лошадей. В этом был своеобразный шик и почти такой же по накалу страстей момент, как и финиш усталых, несущих запыленных всадников лошадей. Толпа криками восторга приветствовала тогда победителя и следующих за ним наездников. Отставшим доставались острые шутки, беззлобные насмешки. Напряжение от ожидания развязки в бегах спадало. Народ выплескивал эмоции. Хозяева, их родственники, друзья и знакомые грудились вокруг своих лошадей, шумно и весело обсуждая скачку. Тут же находились распорядители: «Погодь, погодь, дайте коня выводить, вон как запалился милоч». Подростки, подхватив коня под уздцы, гордые от доверенного дела, скорым шагом водили тяжело дышащего коня по кругу на пологом склоне. Но все это будет потом. А пока только начало.

Вскоре после старта кони переходили на размеренный бег. Каждый наездник имел свою сметку, как лучше пройти эти несколько

верст. Ежедневно работая с животными, ухаживая за ними, сельские парни прекрасно знали их норы и особенности. На посиделках они очень разумно объяснили бы несмышленным слушательницам самый верный способ, как выбегать бега. Но не на посиделках были парни. И не потертые лавочки были под ними, а живые горячие существа.

Бег захватывал всех — лошадей, седоков. Вот слева Колька Сенцов на ушенинском Апреле начал наддавать. Не отстать. Вперед. А справа Федька Мазуренко на вишняковском Чалом. Отжимает, сбивает коня с шага. Вперед, вперед. Так, меняясь местами в табуне, лошади пойдут до места, где у дороги вкопана в землю жердь с привязанным пучком травы на конце. Там седоки заставят лошадей обогнуть вежу и направят их в обратный путь.

У дальней меты тоже дежурили несколько человек. Старшим — один из уважаемых жителей Гурьевского — Устюжанин Владимир Григорьевич. Человек уже немолодой, грузный. Старый заводчанин. Нюрку всегда поражали его круглые очки с толстыми стеклами. Говорил он мало и медленно, плавно округляя пухлые губы.словно из незнакомой сказки, звучало для Нюрки его неизменное: «Я же, Александр, ты знаешь, сызмальства в железоделательном заводе...» Владимир Григорьевич с утра приехал сюда на легком возке, обговорив все предварительно с Платоном Михеевичем. Он следит, чтобы участники бегов честно обогнули мету.

Яшка-татарин был старше остальных седоков. Не первый раз на скачках. Наездник от природы, он как будто прирос к спине коня, слился с ним, превратившись в одно целое. Узкие Яшкины глаза видели все вокруг себя. Он чувствовал каждую лошадь, каждого наездника. Еще не уставшие животные дружно скакали в табуне, размашисто передвигаясь, будто гонимые с пастбища на водопой к реке.

«Серый хорош. Следить за Серым», — вертелось в голове у Яшки. С первого взгляда он оценил коня. Кровь. Благородное животное. Не под плуг и воз растили таких коней, не для тяжело-го крестьянского труда. Для лихого атакующего броска. Для мощного боевого натиска.

«Такой-то и сам уйдет. Не придется держать коня, не придется быть замеченным в нечестности. А лишние деньги не помещают», — успокаивал себя мысленно Яшка, вспоминая разговор со своими поздними гостями.

Серого в яблоках жеребца явно сдерживал наездник. Конь стремился сорваться в безудержный галоп, но железо во рту осаживало его, заставляя держаться в табуне. «Наш тоже коня палить не будет...», — всплыло в Яшкином сознании, объясняя действия седока Серого.

Вот и дальняя мета. Владимир Григорьевич встал на возке в полный рост, поправил очки. Внимательно наблюдал за приближающимися всадниками. Придержав коней, участники скачек обогнули мету. Вновь сбились в табун.

«Сейчас начнется, — подумал Яшка, — после дальних тополей пустят коней в полный галоп».

Чувствовалось нарастающее напряжение скачки. Табун ожил. Чаще менялись местами лошади, посылаемые вперед нетерпеливыми наездниками. Потянул и Игренька. Не меняя аллюра, все тем же тяжеловатым перетопом, он стал продвигаться вперед, оттесняя других лошадей. Впереди плясал круп серого в яблоках. Вот уже голова Игреньки у ноги наездника Серого. А тот все еще сдерживает рвущегося скакуна. «Ну, пускай же, шайтан», — ругнулся про себя татарин. И тут же Серый, освобожденный от власти железа в удилах, пошел вперед. Вперед! Понеслось! Все мысли, все расчеты в сторону. Вперед! Засвистели плети. Припали к шьям коней наездники. Стремительно побежали назад придорожные кусты.

Из Яшкиного горла вырвался дикий визг древнего кочевника, ожег коня и бросил его навстречу тугой, травяно-пахучей струе воздуха. Яшка выгнулся над загривком коня, зажал его бока кривыми ногами и, почти утопив скуластое лицо в развевающейся гриве, отпустил повод. Азарт закипел в крови. Впереди взрывным галопом уходил Серый. «Ай-й-я-а-а-а! Ай-й-я-а-а-а!» — вновь завизжал Яшка, безжалостно, вопреки наказу, пуская в ход плеть.

Игренька летел. Передние копыта на мгновение касались земли, поддерживая полет скакуна. Табун рассыпался, вытянулся. Отставшие хлестали коней. Теперь лошадей никто не жалел. До самого

финиша их будут беспощадно гнать, понуждая плетью, поводом, голосом.

Неотвратимо, пядь за пядью Игренька приближался к немногим вырвавшимся вперед лошадям. Скачок за скачком он обходил их одну за другой. Только серый чужак впереди уносил уверенно-го в победе наездника.

Яшка жил в скачке. Это было состояние, которое он, если бы задумывался об этом, мог бы назвать счастьем. Он чувствовал силу животного, свою ловкость и умение. Всегда, участвуя в бегах, он стремился только к победе. И в этой скачке он с непроизвольной радостью заметил, что расстояние до Серого не увеличивается, но странно и неожиданно сокращается. Яшка понял: что-то не так. Не легко и свободно скакал Серый, а, как будто преодолевая нестерпимую внутреннюю боль, только подчиняясь жестокой воле наездника.

Игренька настигал Серого. Раз, два оглянулся седок. Вновь ожила его плеть. Все тщетно. Расстояние сократилось еще больше.

«Придержаться надо ушастого ... придержаться надо ... придержаться», — заплясало в голове у Яшки. Руки выбрали повод. Голова Игреньки в двух скачках от крупа Серого. Бачатский конь хрипит, морда в пене. И нет мощи в толчке, после долгой скачки нет свободы в движениях. Все видит Яшка.

«А ведь достанет лешак Серого. С порчей конек-то», — закипела злость в Яшке. Злость на уговоривших его мужиков, злость на себя, за то, что согласился на обман. Злость на упрямого Игреньку. Он потянул ремень уздечки на себя. Конь захрипел, задергал головой, пытаясь освободиться от рвущего губы железа, но продолжал мчаться за рослым соперником.

«Шайтан, шайтан, шайтан», — зашипел Яшка, изо всех сил натягивая повод. Игренька вывернул шею, но и не думал замедлять бег.

«А-а-а-а!!!» — с диким ревом трое бачатских парней с жердями в руках кинулись наперерез лошадям. Кони прынули от людей. Седок Серого, предупрежденный о засаде, цепко удержался на своем. Яшка на мгновение опешил. «А-а-а-а!» — первый из нападавших попытался жердью разбить Игреньке храп. Неловкий удар пришелся в голову Яшке, рассек кожу. Игренька сшиб с ног второго налетчика и вслед за Серым унес на себе оглушенного седо-

ка. Бачатские, бросив жерди, ломанулись в кусты. Мимо них один за другим проскакали всадники.

«Шайтаны, шайтаны. Меня?.. За что?.. Договор?.. Шайтаны», — в голове у Яшки звенело.

— А-а-а-а-а! — дико закричал, выплескивая обиду и боль. — Придержаться?!

Седая грива коня запятналась красным. Тепло облизывало щеку Яшке.

— Придержаться?!

Игренька почувствовал свободу. Как будто наездник стал легче, как будто его не стало вовсе. Только бег и ветер. Только возбужденный умоляющий жаркий шепот в ухо.

На расположенном впереди меты взгорке замельтешили мальчишки.

— Скачут! Скачут! — закричали они, отчаянно жестикулируя руками. Сидевшие группами люди поднялись и заспешили ближе к мете. Все смотрели в ту сторону, откуда должны были появиться всадники. Платон Михеевич важно встал у черты. Сейчас он здесь главный.

Нюрка вновь оказалась на руках у отца. Возбуждение взрослых передалось и ей. Во все глаза, вытянув шейку, она смотрела, где же их Игренька. Напряженное ожидание на лицах хозяев лошадей. И вот показались смутно различимые точки. Увлекая за собой клубы пыли, они приближались.

— Кто? Не вижу, трым-тарарым. Кто впереди, бабы? — зашнырял по склону Трым-Тарарым. — Чей конь, серебрянниковский, нет?

— Кажись, бачатский фронт впереди! Точно, он! А рядом-то чей конь? Чей? Не видно. Да то ж Игренька! Татьянин. Яшкина рубаха! Вот идут — из шкуры, гляди, выпрыгнут, — выплескивалось из толпы.

Склон забурлил. Приближалась развязка.

Первые два скакуна, словно привязанные, неслись бок о бок. Над Серым ритмичными взмахами взлетала рука седока. Кони мчались галопом, как будто спасаясь от кровожадной волчьей стаи. Игреньке уже приходилось выручать и себя, и своего хозяи-

на — во всю мощь увлекать за собой сани по накатанному зимнику под голодный вой волков. Тогда помогла близость жилья. Сейчас, рядом с рослым Серым, невысокий белогривый конек напрягал все силы, утверждая свое право на первенство.

Нюрка почувствовала, что отец сильнее сжал ее ноги. Услышала его напряженно-удивленное: «Татьяна. Наш-то от чужака не отстанет. Никогда не видел, чтобы он так бежал. Беды бы не было. Не запалился бы». Девочке стало страшно.

Народ зашумел, заулюлюкал, засвистел. Последние сажени. Звук копыт молотил по ушам. Нюрка видела, как пятно из скачущих рядом коней вдруг стало растягиваться, и ее Игренька, ее любимый Игренька, пересек вспаханную полосу на дороге на полкорпуса впереди Серого.

Проскакав еще полсотни шагов, конь замедлился. С него на ходу спорхнула синяя рубаха. Яшка порывисто сделал несколько шагов прочь от толпы. Затем резко повернулся, вскинул над измазанной кровью головой кулак с зажатой в нем плетью и яростно погрозил кому-то. Хлестанув воздух плетью, он повернулся и пошел.

А на склоне шум, гам. Люди побежали к лошадям. Отец опустил Нюрку на землю, поспешил к коню, которого уже пытались поймать гурьевские парни. Конь метался, возбужденный. Темные от пота бока вздувались, с морды капала кровавая пена. Он всхрапывал, нервно отскакивая от пытавшихся схватить его за узду. Таким Нюрка никогда не знала Игреньку, и ей стало невыносимо жалко его. Она видела мать, которая о чем-то сердито разговаривала с односельчанами, видела серьезного отца. Девочка неосознанно шла в ту сторону, где по склону метался их конь. Ей казалось, что случилось что-то нехорошее, ей невыносимо жалко было измученного Игреньку. Глаза девочки наполнились слезами. Она закрыла лицо ладошками, села на корточки и заплакала. «Ии-грень-ка-а, Ии-грень-ка-а...», — всхлипывала девчушка.

Горячий воздух обдал Нюркины коленки, влажная теплота коснулась рук. Не давший никому конь, с раздувающимися ноздрями, аккуратно переступая, подошел к плачущей маленькой хозяйке, опустил голову и ткнулся мордой в подол ее ситцевого платьишка.

— И-иг-рень-ка-а.